

Е. И. Кононенко

ЕЩЕ РАЗ О «ПРОБЛЕМЕ СЕЛЬДЖУКСКОГО ИСКУССТВА»

Государственный институт искусствознания,
Российская Федерация, 125009, Москва, Козицкий пер., 5

В статье прослеживается история так называемой «сельджукской проблемы» в историографии об искусстве Востока. Проблема, к которой приходилось неоднократно обращаться отечественным исследователям, вызвана унифицированным высоким качеством художественных памятников, прежде всего архитектурных, на огромных территориях, подчиненных тюркским династиям, время создания которых далеко выходит за хронологические рамки существования государства Великих Сельджуков. Были ли тюрки-сельджуки действительными создателями огромного корпуса произведений «сельджукского искусства», или речь должна идти только о создании благоприятных условий для местных художественных школ и активном государственном заказе? Невозможность дать однозначный ответ на эти вопросы приводит к замалчиванию сельджукского этапа вообще, обедняя представления о развитии мусульманской архитектуры. Библиогр. 28 назв. Ил. 5.

Ключевые слова: сельджуки, искусство ислама, типология мусульманской архитектуры, турецкая архитектура, региональные традиции, мечеть, мавзолей.

ONE MORE TIME ABOUT “THE PROBLEM OF SELJUK ART”

E. I. Kononenko

State Institute of Art Studies, 5, Kozitsky per., Moscow, 125009, Russian Federation

The article deals with the history of so-called “Seljuk problem” in Eastern art historiography. Native researchers had to return to this problem more than once. It was caused by high quality of artistic monuments, architectural first of all, dating back not only to the time of Great Seljuk State, and extended to the large territories subordinate to Turkic dynasties. Were Turk-Seljuks real creators of enormous number of “Seljuk art” monuments, or one can speak only about making the favorable conditions for local art schools and state-guaranteed orders? Impossibility of simple answer results in concealment of Seljuk period, which weakens down the idea of Muslim architectural development. Refs 28. Figs 5.

Keywords: Seljuk, art of Islam, typology of Muslim architecture, Turkish architecture, local traditions, mosque, mausoleum.

Прежде чем говорить о собственно «сельджукской проблеме», наличие которой уже почти столетие констатируется в научной литературе об искусстве Востока, целесообразно напомнить читателю, кто такие сельджуки.

В словарях слово «сельджуки» встречается и с прописной буквы, и со строчной. В первом случае речь идет об одном из западно-тюркских племен — ветви огузов, во втором — это имя собственное, обозначает династии, созданные в различных регионах мусульманского мира представителями этого этноса. В X веке остатки тюркских государственных образований (каганатов) были поглощены исламским государством Караханидов; Арабский Халифат также активно использовал воинственных тюрков в качестве наемников. Выступавшие военной основой афганского государства Газневидов, огузы после смерти Махмуда Газневи отторгли Хорасан и быстро вынудили соседей считаться с собой как уже с политическим фактором [1, p. 18].

К середине XI в. Тогрул, потомок полубогородного Сельджука ибн Токака, объединив тюркские племена после падения Караханидов, присоединил территории оттесненных на юг Газневидов, Азербайджан и значительную часть Ирака. В 1055 г.

Рис. 1. Сельджукское государство в период наивысшего расцвета

Тогрул под легитимным предлогом борьбы с Буидами (своеобразной конфедерацией персидских правителей, захвативших большинство светских постов в Халифате) и восстановления полноты власти халифа занял Багдад и стал не только зятем халифа, но и султаном — светским правителем мусульманского государства. Выгадали от этого обе стороны — после фактического отстранения при Буидах халиф вернул себе по крайней мере внешние атрибуты власти, а султан, искренне поддерживая его духовный авторитет, стал главой разветвленной династии Великих Сельджуков, осуществляя светскую власть в Халифате, раздавая посты своим родичам и соплеменникам и направляя активность (прежде всего военную) тюркских переселенцев на Запад, к анатолийским владениям Византии.

Халифат отвел тюркам роль *гази*, — «воинов за веру», укреплявших и раздвигавших его северо-западные границы. Алп-Арслан, унаследовавший титул султана, в 1060-х годах совершил походы как в Сирию и Палестину, ранее отторгнутые египетскими Фатимидами, так и в Закавказье, ослабляя Византию — потенциального союзника Фатимидов. Алп-Арслану удалось занять важнейшую пограничную крепость на востоке Византии — Манцикерт (Малазгирт); в 1071 г. попытка отвоевания крепости привела к разгрому византийской армии и пленению императора Романа IV Диогена. Победа при Манцикерте открыла тюркам путь в Центральную Анатолию. Во главе новых походов встал Сулейман-шах — основатель династии Сельджуков Рума, правившей на отвоеванных у Византии землях.

Однако в последующие десятилетия приоритетом внешней политики Халифата стала борьба за Иерусалим [2, с. 24]. К тому времени Великие Сельджуки увязли в междоусобице, не оставившей сил даже для борьбы с «еретиками»-низаритами, не говоря уже о хлынувших через сельджукские земли крестоносцах. В одиночку Сельджуки Рума, уже ощутившие сепаратизм тюркских вождей, вряд ли могли сопротивляться крестоносцам, — как, впрочем, невелики были и шансы ослаблен-

Рис. 2. Гробница Тогрула — основателя династии Великих Сельджуков. Иран, Рей, XII век

ных Великих Сельджуков противостоять внутренним и внешним врагам; но борьба между Латинскими государствами и Фатимидами позволила ветвям потомков Дома Сельджука уцелеть. Правда ненадолго: уже в 1141 г. султан Санджар в борьбе с каракитаями утратил контроль над Средней Азией, а после его смерти в 1157 г. прекратилась власть Великих Сельджуков и в Хорасане. Дом Великих Сельджуков формально просуществовал до 1194 г., однако попеременно усиливавшиеся локальные правители признавали его формальный сюзеренитет лишь периодически в своих политических интересах. Несколько ветвей династии — керманская, сирийская — не дожили до начала XIII века, и лишь Сельджуки Рума смогли не только лавировать между Византией, Фатимидами, крестоносцами, сирийскими Айюбидами, но и, подчинив себе княжества Анатолии, стать в начале XIII века сильнейшим мусульманским государством, принявшим волну иранских беженцев в начале похода монголов и воспринимавшимся как последний оплот ислама.

Еще в 1940-х годах В.Гордлевский писал о Сельджуках Рума: «История Сельджукидов представляет разительный пример быстрого возвышения и падения: вынырнув во второй половине XI века из Хорасана, они весь XII век провели в борьбе, и были моменты, когда весы истории склонялись на сторону Данишмендов, вырывавших из их рук господство в Малой Азии, однако Сельджукиды, используя противоречия между противниками, удержались, и из Коньи — из малоазиатской срединной степи — распространились и на запад, и на север, и на восток, и на юг. Старая область приграничников — борцов за веру, выдвинутых когда-то арабами, превратилась в государство, поднявшее в Малой Азии культуру на большую высо-

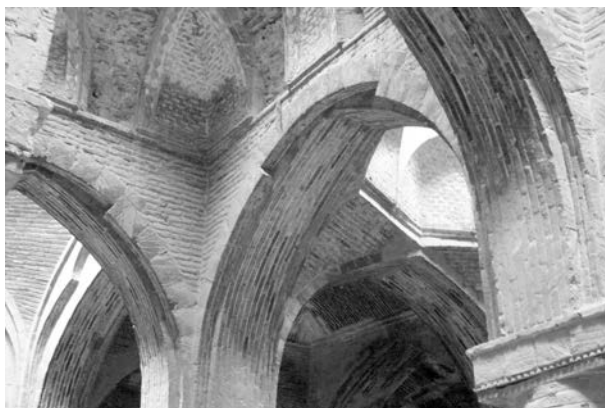

Рис. 3. Перекрытия Пятничной мечети Исфахана.
Иран, конец XI века

ту. В течение полувека создали они здесь памятники, которые пережили творцов» [2, с. 34].

Впрочем, эти полвека относятся уже к XIII веку, когда династия Великих Сельджуков уже не существовала, правителями областей, некогда присоединенных тюрками к Халифату, стали местные князья, а территории Центральной Азии подверглись монгольскому нашествию. Однако несмотря на быстрый распад огромной «империи Сельджуков», власть которых в удаленных районах была номинальной, в пределах тюркизированных территорий и даже на соседних с Халифатом землях в XII веке отмечается определенное единство результатов художественных процессов, заметных прежде всего в архитектуре как наиболее показательной части материальной культуры «мира ислама»: распространение одних и тех же архитектурных типов, строительных приемов, принципов декорации зданий. Это единство позволило исследователям говорить как о некоем общем «сельджукском стиле», так и о еще более широком «сельджукском влиянии», и хронологически, и географически выходящем за пределы существования Сельджукского государства. Так, например, недавнее трехтомное издание, ставшее результатом международного проекта «Наследие Великих Сельджуков» [3], включило в себя памятники не только Туркмении, Ирана, Сирии, Турции и Закавказья, но даже Египта, Йемена и Индии, причем от X до XIV века. Понятно, что во многих случаях речь идет об объектах, оказавшихся в орбите «сельджукского наследия» лишь весьма опосредованно...

Тем не менее большое количество разновременных и различных по происхождению, но схожих по тем или иным параметрам художественных памятников заставляет вернуться к уже обозначенной в литературе об искусстве Востока «сельджукской проблеме». Сводится она к ответу на вопрос о действительном вкладе сельджуков в это наследие, иными словами: были ли тюрки непосредственными создателями того, что мы называем «сельджукским искусством» и, в частности, «сельджукской архитектурой»?

Важнейшей составляющей «сельджукской проблемы» является определение источников архитектуры «империи Сельджуков» периода расцвета.

Рис. 4. Сельджукская курильница в виде льва. Бронза. Иран (?), XII век. Лувр.

Уже в первое столетие существования ислама на завоеванных арабами землях сформировался тип дворовой (колонной) мечети, пространство которой состоит из открытого двора и молитвенного зала с плоским или двускатным перекрытием, опирающимся непосредственно на несущие столбы (колонны) либо на аркады. В ряде случаев перекрытие зала могло дополняться куполом — либо в центре среднего нефа (Дамаск, Алеппо), либо над михрабной ячейкой (в иерусалимской аль-Акса и во многих магрибинских мечетях — в торцах повышенного центрального нефа, акцентируя планировочную ось). Таковы ранние мечети Сирии, Месопотамии (Харран), Иордании, Египта (Фустат), Туниса (Сусс, Кайруан), Марокко, Испании. Иконография исламской архитектуры «во многом исходила из уже существовавшей строительной практики и образной системы предшествующего культового зодчества. Богатейшее наследие ближневосточной культовой архитектуры давало мусульманам право выбора от гипостильных залов до зданий базиликального типа, купольных базилик и центрических купольных построек» [4, с. 27].

В Иране, однако, арабский тип колонной мечети не прижился: «мусульманские культовые здания, возводимые в IX–X веках с намерением следовать аббасидскому образцу, рано или поздно перестраивались, а иногда подвергались изменениям конструкции в процессе строительства» [5, с. 203]. Из доисламского, прежде всего сасанидского, зодчества мусульманская архитектура Ирана заимствует две конструкции — *чахартак* (конструкция из четырех арок, поддерживающих купольное перекрытие), ставший основой павильонов, часто включавшихся в постройки различного назначения, и *айван* — сводчатый зал-террасу, открытую с одной стороны. Отчасти развитием чартака стали мусульманские мавзолеи, в том числе порталные, появившиеся в архитектуре Средней Азии после распада державы Саманидов и отмечающие распространение тюркских племен [6, с. 193–259].

Важнейшим вкладом Ирана в развитие планировки мечети признается четырехайванная композиция, центром которой является обширный двор; именно этот план имеется в виду, когда речь идет об «иранской мечети» [5, с. 205]. Однако самые ранние памятники этого типа (мечети Заваре, Исфахана, Семнана, Казвина) отно-

Рис. 5. Мавзолей султана Санджара. Туркмения, Мерв, XII век

сятся к XII веку (если не принимать во внимание строительство в них новых айванов при Тимуридах и Сефевидях), а наиболее показательные (в Верамине, Тебризе) — к XIV веку; в Средней Азии в XII веке мечети оставались дворовыми. Мечеть в Дамгане с одним айваном, встроенным в перекрытый куполами центральный неф молитвенного зала, датируется ок. 1080 г., а южный айван исфаханской мечети — 1089 г. [6, с. 86; 7, р. 122] Таким образом, айванные мечети в Иране появляются не ранее прихода сельджуков и должны считаться частью «сельджукского наследия».

Общим местом стало указание на то, что стандартизированный четырехайванный план был применен при строительстве медресе — мусульманских учебных заведений [8, с. 57]. Уже в XI веке в планах медресе на юге Таджикистана (Ходжа Машад) фиксируются айваны, расположенные по осям двора [6, с. 261–273], — позже этот план воспроизводится в многочисленных Низамийа Великих Сельджуков конца XI века, сирийских Нурийа XII века, дворовых и купольных медресе Малой Азии XIII века, распространяясь опять-таки вместе с сельджукскими завоеваниями.

Действительно, бурное развитие мусульманской архитектуры в начале II тысячелетия и быстрое распространение новаций оказалось связано именно с патронажем Дома Сельджука, и причину этого неожиданного «скачка» легко предполагать в смешении традиций, дополнении достижений арабского, иранского, византийского зодчества некими дотоле неизвестными тюркскими новациями. Активизация мусульманского строительства в центральных и западных областях Халифата напрямую связана с заказами Великих Сельджуков и их вассалов. Так, автор более поздних «Сообщений о Сельджукском государстве», говоря о Тогруле, отметил его «щедрость на строительство мечетей» и приписал ему слова: «Мне стыдно перед Аллахом Всевышним, если я, построив дом, не возведу рядом с ним мечети» [9, с. 39]. Кроме того, важной причиной быстрой «сельджукизации» Передней Азии явилась неизбежная исламизация присоединенных территорий, необходимость строительства здесь мечетей и распространения мусульманской культуры в рамках политической риторики новой династии [10, 11]. Авторы «Кембриджской истории ислама» указывают, что создание империи Великих Сельджуков и установление тюркского господства стало

поворотной точкой в истории исламской цивилизации, а осуществленная этой империей тюркизация Ближнего Востока и Анатолии оказалась фактором, предопределившим будущее и мусульманского, и христианского мира [12, р. 231].

Однако же «тюркскую составляющую» в той мусульманской архитектуре, которую мы обнаруживаем в XI–XIII веков на землях Великих Сельджуков и Сельджуков Анатолии, вычленишь, пожалуй, и невозможно, даже несмотря на отраженную в источниках строительную активность. Неоднократные попытки выделить и описать эту составляющую неизменно приводили лишь к признанию нехватки данных для решения «сельджукской проблемы».

Еще в конце 1930-х годов И. А. Орбели говорил о невозможности определения типологического или стилистического единства архитектурных памятников сельджукского времени: «Сельджукское искусство в целом дает значительное разнообразие форм, в особенности в архитектуре, в зависимости от того, в каком из районов упомянутой колоссальной территории эти памятники созданы, причем в каждом данном случае в основных чертах сказываются, как господствующие, формы местного, в предшествующий период развивавшегося искусства» [13, с. 154].

Спустя два десятка лет Г. А. Пугаченкова повторила вывод о том, что «внутри государства Великих Сельджуков архитектура отнюдь не являла комплекса стилистически единых качеств» [14, с. 347], и качества эти не могли определяться этническим фактором, т. е. тюркизацией Южного Туркменистана, Северного Ирана и Анатолии. Она указала, что термины «сельджукский» и «караханидский» «едва ли уместны в историко-архитектурной номенклатуре, так как сами по себе не определяют ни времени, ни определенных территорий, ни подлинных причин развития местного зодчества» [14, с. 346]. Ее коллега Л. И. Ремпель, исследуя строительные конструкции и архитектурный декор Туркменистана, также ограничился лишь констатацией «сельджукской проблемы» [15; 16, с. 95–103].

Даже С. Г. Хмельницкий, подробно и поэтапно описавший развитие доисламской и раннеисламской архитектуры Средней Азии на основе огромного корпуса исследований, резюмировал: «Попытки найти некий тюркский дух или тюркский стиль в монументальных зданиях, строившихся в годы правления тюркских династий — Караханидов, Газневидов и Сельджуков, — оказались безуспешными уже потому, что у вчерашних кочевников не было навыков и традиций строительного искусства. <...> Видимо, переход политической власти к завоевателям-тюркам не оказал заметного влияния на характер архитектуры Средней Азии и не изменил процесс ее эволюции» [6, с. 9].

Иными словами, тюрки-сельджуки не могли принести в западные районы Халифата — в Северную Сирию, Анатолию, Закавказье, — какие-либо архитектурные типы, которые были бы до того момента там не известны. Таким образом, термины «сельджукская архитектура» и «сельджукское искусство» не подразумевают связь с сельджуками как с этносом, но обозначают более широкие художественные реалии, связанные с правлением тюрков — Великих Сельджуков, восходящих к ним династий и их вассалов.

Собственно, этот тезис далеко не нов: К. Каэн, завершив раздел о государстве Великих Сельджуков в своей хрестоматийной «Доосманской Турции» полустраничным параграфом «Искусство и письменность Сельджукского периода», не смог привести ни одного конкретного памятника, однозначно связанного с сель-

джуками в Анатолии, но констатировал, что, даже не будучи творцами, турки часто предоставляли другим возможности развития, которые сами использовать еще не могли [1, р. 51]. Однако необходимо отметить, что именно с заказом султанов Великих Сельджуков связаны первые мечети Турции, построенные на рубеже XI–XII веков в Диярбакыре, Битлисе и Сиирте вассальными тюркскими князьями, причем именно в качестве инструмента политической риторики сюзерена [10; 17, р. 1–7]. Идет ли в данном случае речь лишь о «предоставленных возможностях»?

В начале 1970-х годов Л. С. Бретаницкий писал, что тюркизация совпала с некими общими стадийными изменениями в культуре Среднего Востока: «кочевники-сельджуки не выступали в роли создателей “сельджукского искусства”, а послужили своего рода ускорителем тех социально-политических процессов, которые породили своеобразное направление художественного развития, распространившееся на огромной территории Передней Азии» [18, с. 37]. Более того, рассматривая «сельджукский период» в качестве стадии развития мусульманского искусства, исследователь предположил, что многие произведения этого времени, отличающиеся от памятников предшествовавшего периода арабского Халифата «законченностью замысла, продуманностью художественного строя, изысканностью форм и изяществом убранства», завершают «определенный этап последовательной эволюции и совершенствования не только отдельных композиционных приемов или методов и средств их осуществления, но даже типов архитектурных сооружений и художественных изделий» [18, с. 47].

Нас не будет интересовать возникновение и эволюция конкретных архитектурных форм (поперечно-базиликальная и айванная мечеть, шатровый мавзолей-*турбе*) на протяжении «сельджукского периода», поскольку каждая из этих форм может быть связана как с «тюркской составляющей», так и с региональными — иранскими, арабскими, армянскими, византийскими — традициями зодчества и объясняться использованием наиболее доступных образцов, привлечением местных (в том числе немусульманских) строителей для выполнения султанских и княжеских заказов, обучением сельджукских мастеров в локальных артелях, имевших собственные приемы, наработки, пристрастия. Именно демонстрация разнообразных проявлений и широкого понимания «сельджукского стиля», как и его хронологических рамок, стала целью упомянутого многотомного «Наследия Великих Сельджуков». Однако, к сожалению, признавая безусловную важность сельджукского фактора для формирования локальных культур, некоторые исследователи предпочитают о «сельджукской проблеме» попросту не упоминать.

Как ни странно, едва ли не наиболее показательной в этом отношении оказывается искусствоведческая историография Турции и «о Турции», особенно отечественная, игнорировавшая работы европейских исследователей. Показательной — поскольку именно с походов Великих Сельджуков и образования вассальных по отношению к ним тюркских княжеств начинается история мусульманской культуры в Анатолии, блестяще продолженная Сельджуками Рума и Османами. Так, уже на рубеже XI–XII веков складывается новый тип зальной мечети, дополнившей существовавшие типы (арабскую дворовую и иранскую айванную мечети) и являющейся принципиальным турецким вкладом в архитектуру ислама.

Сами турки обратили внимание на собственное культурное наследие лишь в конце XIX века, когда встала задача поисков национального стиля. В опорном

труде «Основы османской архитектуры» [19], изданном к Всемирной выставке в Вене, политические задачи продиктовали и выбор представляемых памятников, и их оценки, ощутимые и в турецкой, и в европейской историографии по сей день. Однако акцент на османском этапе стал причиной того, что о сельджукском прошлом Анатолии авторы книги попросту «забыли».

Противопоставление сельджукского и османского периодов привело к тому, что даже основоположник искусствознания Турецкой Республики Дж. Арсевен, привлекая к разговору о происхождении тюркского искусства произведения «звериного стиля» и рассматривая созданные тюрками памятники китайского Синьцзяна, Ирана и Индии, «малоазийскую главу» тюркской культуры начал с хрестоматийных монументов Сельджуков Рума, опустив их предысторию [20, р. 43]. Игнорирование первыми турецкими искусствоведами раннего анатолийского архитектурного материала было исправлено в работе О. Асланапа «Тюркская архитектура»: первый том отведен сооружениям Средней и Центральной Азии, Ирана, Индии, Сирии, Ирака, Египта, а вторую книгу, посвященную мусульманскому зодчеству Анатолии до Османов, исследователь начал именно с немногочисленных памятников Великих Сельджуков конца XI — начала XII века, рассматривая их как первый этап собственно турецкой архитектуры [17]. Правда, почин О. Асланапа практически не нашел продолжения: даже в современной европейской, турецкой и отечественной историографии и история Турции, и история турецкого искусства четко разделены на «Сельджуков» и «Османов», при том что под «Сельджуками» в большинстве случаев понимается только Конийский султанат XIII века.

Великие Сельджуки в Турции остались почти «незамеченными» и в советском искусствознании: еще в 1937 г. Н. И. Брунов, поместив турецкий материал в I том «Очерков по истории архитектуры» вместе с раннеклассовыми обществами и Древним Востоком (поскольку «вся архитектура восточных деспотий, включая архитектуру Персии и мусульманских стран, является первой ступенью истории мирового зодчества в условиях классового общества» [21, с. 354]), отдельно рассмотрел «Архитектуру турок-сельджуков в Малой Азии» и «Турецкую (т. е. Османскую. — Е. К.) архитектуру». Ю. А. Миллер, в 1965 г. опубликовавший «Искусство Турции» [22] (до настоящего времени единственную в отечественной литературе доступную широкому читателю монографию о турецкой культуре), отождествил понятия «турецкий» и «османский» и начал исследование только с XIV века, лишь упомянув о предшествующем сельджукском этапе. Несколько лет спустя И. Ф. Бородин начал «турецкий» раздел «Всеобщей истории архитектуры» с XII века, «вернув» в историографию Сельджуков Рума, но избежав «сельджукской проблемы» как таковой [23]. Некоторые более поздние обобщающие монографии по истории архитектуры и истории искусства, в том числе предназначенные служить учебными пособиями для вузов, оказались настолько краткими, что места турецкому зодчеству в них вообще не нашлось.

Даже столь авторитетное издание, как «Кембриджская история Турции», уделяя необходимое внимание параграфам о культуре и искусстве региона, рассматривает самый ранний этап турецкой истории через призму истории Византии XI–XIV веков, сразу после этого переходя к «Анатолии под властью монголов», после чего становится возможным говорить об османском периоде [24, р. VII].

Безусловно, в востоковедческой историографии, в том числе отечественной, есть работы, подробно рассматривающие историю государства Великих Сельджуков, включая завоевание Анатолии [1, 2, 25–28]. Однако интерес к политической истории сельджукского государства заставляет указанных авторов игнорировать художественные, в частности архитектурные, источники и соответственно обходить «проблему сельджукского искусства».

Вслед за многими процитированными авторами «сельджукскую проблему», т. е. вопрос о собственно тюркском вкладе в огромный корпус «сельджукского наследия», и в начале XXI века приходится лишь ставить, не предлагая какого-либо аргументированного решения. Вероятно, в качестве источников сельджукской архитектуры в привычном значении — как определенного территориально-хронологического комплекса памятников — должны рассматриваться *все* региональные художественные традиции, с которыми тюрки могли познакомиться в процессе миграций на запад. Этническая экспансия тюрков не сопровождалась экспансией культурной ввиду отсутствия самого предмета экспансии — развитой тюркской культуры. Создавая новую традицию мусульманской архитектуры на подвластных землях, сельджуки, до того момента не проявившие себя ни в качестве создателей сколько-нибудь оригинальных сооружений, ни в качестве стойких приверженцев каких-либо определенных художественных идей, имели возможность обращаться к любым имевшимся источникам, в том числе, очевидно, и домусульманским, и современным тюркскому завоеванию немусульманским.

Сочетая прагматичную суннитскую идеологию с суфийским мистицизмом, сплавляя в официальном заказе разные художественные традиции, сельджуки оказались своеобразным катализатором эволюции мусульманской культуры. Гарантировав единый «госзаказ», объединивший усилия мастеров на огромных территориях Азии и притом не сковывавший выбор форм и средств, правители династии Великих Сельджуков задали высокие стандарты исполнения произведений и действительно обеспечили практически уникальные условия для развития искусства на подвластных землях. Много это или мало? Даже если не считать сельджуков подлинными творцами всего «сельджукского наследия», в любом случае умалчивание не имеющей однозначного решения «проблемы сельджукского искусства» приводит к игнорированию целого исторического периода. Эта тема вполне заслуживает того, чтобы как минимум специально оговариваться в литературе об искусстве Востока.

Литература

1. Cahen C. Pre-Ottoman Turkey: a general survey of the material and spiritual culture and history c. 1071–1330. N. Y.: Taplinger Publishing Co, 1968. 480 p.
2. Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 204 с.
3. Büyük Selçuklu mirası: mimari / Heritage of The Great Seljuks. Architecture. Vol. 1–3. Istanbul: Kristal Matbaacılık San. Tic. Ltd., 2013.
4. Шукуров Ш. М. Образ Храма. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
5. Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый город, 2004. 456 с.
6. Хмельницкий С. Г. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Часть I. Берлин—Рига: Gamajun, 1996. 336 с.
7. Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. L.; N. Y.: Taylor & Fransis, 2002. 342 p.
8. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 446 с.

9. Садр ад-Дин, Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-сельджукиа (Сообщения о сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщавших о сельджукских эмирах и государях). М.: Восточная литература, 1980. 521 с.
10. Кононенко Е. И. Анатолийские мечети Великих Сельджуков: архитектурные и политические ориентиры // Искусствознание. 2015. № 3–4. (в печати).
11. Кононенко Е. И. «Сельджукский портал»: архитектурная декорация как средство политической риторики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 15. Искусствоведение. 2015. № 1. С. 134–144.
12. The Cambridge History of Islam. Vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the Ist World War / ed. P. M. Holt, A. Lambton, B. Lewis. L.; N. Y.: Cambridge University press, 2005 [1970]. 523 p.
13. Орбели И. Проблема сельджукского искусства // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 301 с.
14. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с. (Труды ЮТАКЭ. Т. 6).
15. Ремпель Л. Архитектурный орнамент южного Туркменистана X — начала XIII вв. и проблемы «сельджукского стиля» // Труды ЮТАКЭ. 1963. Т. XII. С. 249–308.
16. Ремпель Л. И. Искусство среднеазиатского Междуречья XI — начала XIII века // Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. Избранные труды. М.: Советский художник, 1978. С. 42–111.
17. Aslanapa O. Türk Sanati. D. I–II. Istanbul: Kervan, 1984. 416 p.
18. Бретаницкий Л. С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма: Избранные труды. М.: Советский художник, 1987. 255 с.
19. Osmanli mimarisi / Usul-i Mi'mari-i Osmani. Istanbul: Çamlica, 2010 [1873]. 256 p.
20. Arseven G. E. L'Art Turc depuis son origine jusqu'à nos jours. Istanbul: Devlet Basimevi, 1939. 305 p.
21. Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры: в 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003 [1937]. Т. 1. 398 с.
22. Миллер Ю. Искусство Турции. М.; Л.: Искусство, 1965. 168 с.
23. Бородина И. Ф. Архитектура Турции XII–XIX вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. М.: Стройиздат, 1969. С. 427–476.
24. The Cambridge History of Turkey. Vol. 1. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / ed. K. Fleet. L.; N. Y.: Cambridge University press, 2009. 522 p.
25. Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. М.: РИПОЛ классик, 2009. 742 с.
26. Koprulu M. F. The Seljuks of Anatolia: their history and culture according to local muslim sources. Salt Lake City: University of Utah Press, 1992 [1943]. 141 p.
27. Savvides A. G. C. Some major Seljuk, Persian and Ottoman sources regarding Byzantine-Seljuk relations (A bibliographical survey) // Mesogeios. 2005. № 25–26. С. 9–26.
28. Запорожец В. М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. 295 с.

References

1. Cahen C. *Pre-Ottoman Turkey: a general survey of the material and spiritual culture and history c. 1071–1330*. New York, Taplinger Publishing Co, 1968. 480 p.
2. Gordlevskii V. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloi Azii [The Seljukid State of Anatolia]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941. 204 p. (In Russian)
3. Büyük Selçuklu mirası: mimari. *Heritage of The Great Seljuks. Architecture*, vol. 1–3. Istanbul: Kristal Matbaacilik San. Tic. Ltd., 2013.
4. Shukurov Sh. M. *Obraz Khrama [The Image of Temple]*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002. 496 p. (In Russian)
5. Starodub T. Kh. *Sokrovishcha islamskoi arkhitektury [The Treasures of Muslim Architecture]*. Moscow, Belyi gorod Publ., 2004. 456 p. (In Russian)
6. Khmel'nitskii S. G. *Mezhdū Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI — nachala XIII vv. [Between Samanids and Mongols. Architecture of Middle Asia 11th — early 13th cent.]*. Part I. Berlin—Riga, Gamajun Publ., 1996. 336 p. (In Russian)
7. Petersen A. *Dictionary of Islamic Architecture*. London, New York, Taylor & Fransis, 2002. 342 p.
8. Zilivinskaia E. D. *Arkhitektura Zolotoi Ordı. Chast' I. Kul'tovoe zodchestvo [The Golden Horde architecture. Part I. Cult monuments]*. Moscow, Kazan, Otechestvo Publ., 2014. 446 p.
9. Sadr ad-Din, Ali al-Khusaini. *Akhbar ad-daulat as-sel'dzhukiia (Soobshcheniia o sel'dzhukskom gosudarstve. Slivki letopisei, soobshchavshikh o sel'dzhukskikh emirakh i gosudariakh) [Reports about the Seljuk*

state. *The cream or chronicles that reported about the Seljuk emirs and sovereigns*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1980. 521 p. (In Russian)

10. Kononenko E. I. Anatoliiskie mecheti Velikikh Sel'dzhukov: arkhitekturnye i politicheskie orientiry [Anatolian mosques of the Great Seljuks: architectural and political landmarks]. *Iskusstvoznanie [Art Studies]*, 2015, no. 3–4. (in press). (In Russian)

11. Kononenko E. I. "Sel'dzhukskii portal": arkhitekturnaia dekoratsiia kak sredstvo politicheskoi ritoriki ["Seljuq portal": architectural decoration as the method of political rhetoric]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 15. Arts*. 2015, no. 1, pp. 134–144. (In Russian)

12. *The Cambridge History of Islam, vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the Ist World War*. Eds P. M. Holt, A. Lambton, B. Lewis. London, New York, Cambridge University press, 2005 [1970]. 523 p.

13. Orbeli I. Problema sel'dzhukского iskusstva [The problem of Seljuk art]. *III Mezhdunarodnyi kongress po iranskomu iskusstvu i arkhologii. Doklady [III International congress of Iranian Art and Archaeology. Reports]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1939. 301 p. (In Russian)

14. Pugachenkova G. A. *Puti razvitiia arkhitektury iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniia i feodalizma* [The ways of development of the South Turkmenistan architecture at the times of slavery and feudalism]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 491 p. (*Trudy IuTAKE [Transactions of South Turkestan archaeological complex expedition]*, vol. 6). (In Russian)

15. Rempel' L. Arkhitekturnyi ornament iuzhnogo Turkmenistana 10th — nachala 13th vv. i problemy "sel'dzhukского stilia" [The architectural ornament of South Turkmenistan X — early XIII cent. and the problems of "Seljuk style"]. *Trudy IuTAKE [Transactions of South Turkestan archaeological complex expedition]*, 1963, vol. XII, pp. 249–308. (In Russian)

16. Rempel' L. I. *Iskusstvo sredneaziatskogo Mezhdurech'ia XI — nachala XIII veka* [The Art of Middle Asia interfluve 11th — early 13th cent.]. Rempel' L. I. *Iskusstvo Srednego Vostoka. Izbrannye trudy [Art of Middle East. Selected works]*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1978, pp. 42–111. (In Russian)

17. Aslanapa O. *Türk Sanati. D. I–II [The art of Turks. Vol. I–II]*. Istanbul, Kervan, 1984. 416 p.

18. Bretanitskii L. S. *Khudozhestvennoe nasledie Perednego Vostoka epokhi feodalizma: Izbrannye trudy [The artistic heritage of Western Orient on the feudal period: Selected works]*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1987. 255 p. (In Russian)

19. *Osmanli mimarisi. Usul-i Mi'mari-i Osmani [Osmanian architecture]*. Istanbul, Çamlıca, 2010 [1873]. 256 p.

20. Arseven G. E. *L'Art Turc depuis son origine jusqu'à nos jours [Turkish art from the beginning to present days]*. Istanbul, Devlet Basımevi, 1939. 305 p.

21. Brunov N. I. *Ocherki po istorii arkhitektury [Essays on the history of architecture]*: in 2 vols. Moscow, ZAO Tsentropoligraf Publ., 2003 [1937], vol. 1. 398 p. (In Russian)

22. Miller Iu. *Iskusstvo Turtsii [The art of Turkey]*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1965. 168 p. (In Russian)

23. Borodina I. F. *Arkhitektura Turtsii XII–XIX vv. [The architecture of Turkey 12th–19th cent.]. Vseobshchaia istoriia arkhitektury. T. 8. Arkhitektura stran Sredizemnomor'ia, Afriki i Azii [The general history of architecture. Vol. 8. Architecture of Mediterranean, Africa and Asia]*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1969, pp. 427–476. (In Russian)

24. *The Cambridge History of Turkey, vol. 1. Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Ed. by K. Fleet. London, New York, Cambridge University press, 2009. 522 p.

25. Rakhmanaliev R. *Imperiia tiurkov. Velikaia tsivilizatsiia [The empire of turks. The great civilization]*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2009. 742 p. (In Russian)

26. Koprulu M. F. *The Seljuks of Anatolia: their history and culture according to local muslim sources*. Salt Lake City, University of Utah Press, 1992 [1943]. 141 p.

27. Savvides A. G. C. Some major Seljuk, Persian and Ottoman sources regarding Byzantine-Seljuk relations (A bibliographical survey). *Mesogeios*, 2005, no. 25–26, pp. 9–26.

28. Zaporozhets V. M. *Sel'dzhuki [The Seljuks]*. Moscow, Voenizdat Publ., 2011. 295 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 19 марта 2015 г.

Контактная информация

Кононенко Евгений Иванович — кандидат искусствоведения; j_kononenko@inbox.ru

Kononenko Evgeniy I. — Ph.D.; j_kononenko@inbox.ru